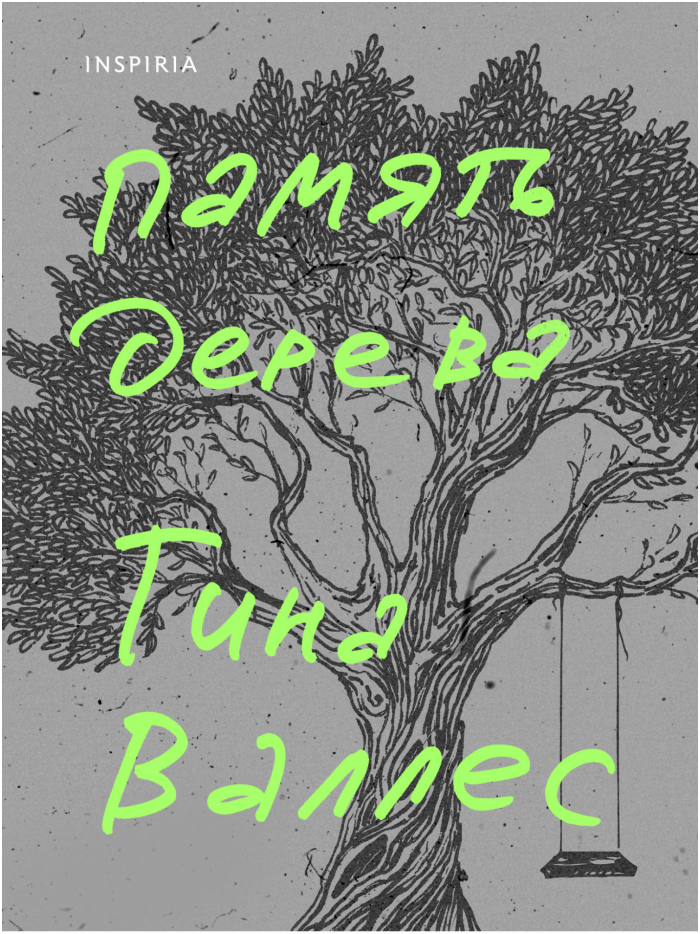


INSPIRIA

Тина Валлес

Память дерева

Серия «Novel. Живые, смешные, неловкие люди»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67948764
Память дерева: Эксмо; М; 2022
ISBN 978-5-04-173286-8

Аннотация

Метафоричная проза о взрослении и старости, о связи поколений и каталонской культуре глазами ребенка, открывающего для себя мир и историю семьи.

Жану 10, он живет с родителями в Барселоне. Его бабушка Катерина и дедушка Жоан переезжают в их дом. День за днем дедушка и внук проводят вместе. Он рассказывает маленькому Жану про деревья, букву «о», часы и пончики, про все, что он знает. Но Жан вдруг понимает, что дедушка теряет память и переехал он не просто так. С этого момента вся повседневная жизнь дома изменится, слова и молчание приобретут новый смысл.

Роман погружает в воспоминания о детстве и каталонскую культуру. Повествование ведется от лица ребенка, от чего книга приобретает особую образность. Подойдет для семейного чтения.

Это трогательная история об отношениях внука и дедушки, теряющего память, поможет по-новому посмотреть на самые непростые ситуации в жизни глазами ребенка.

Содержание

1. Большие перемены 9
Клоники 9
Ребенок 10
Свой дед 11
Тютелька в тютельку 12
Две буквы 13
Молчание 14
Полдник 15
Одна вещь 16
У дедушки с бабушкой 18
Жан, сынок 19
Заводная ручка 20
2. Улицы 21
Деревья 21
Пять часов 23
Когда-то 24
Не так давно 26
Прикоснуться к деревьям 27
Впервые 29
Аппетит 30
Не нужно ничего искать 31
Дома 32
Хлеб 33

Апельсины 34
3. Сказки 35
Зубы 35
Побыть вдвоем 36
Сказка 37
Настоящая кровать 38
Басни 39
Неплохо быть и стрекозой 40
Муравьи 41
Про самолеты 43
Дедушкина зима 44
Мама внутри газеты 45
Свет и аромат 46
4. Недостающая буква 47
Целый месяц 47
Пятница 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Тина Валлес
Память дерева

© Гребенникова А., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Монблану и Вилаверду, для меня незабываемым.
Вербе на улице Нарсиса Монтуриоля, 21

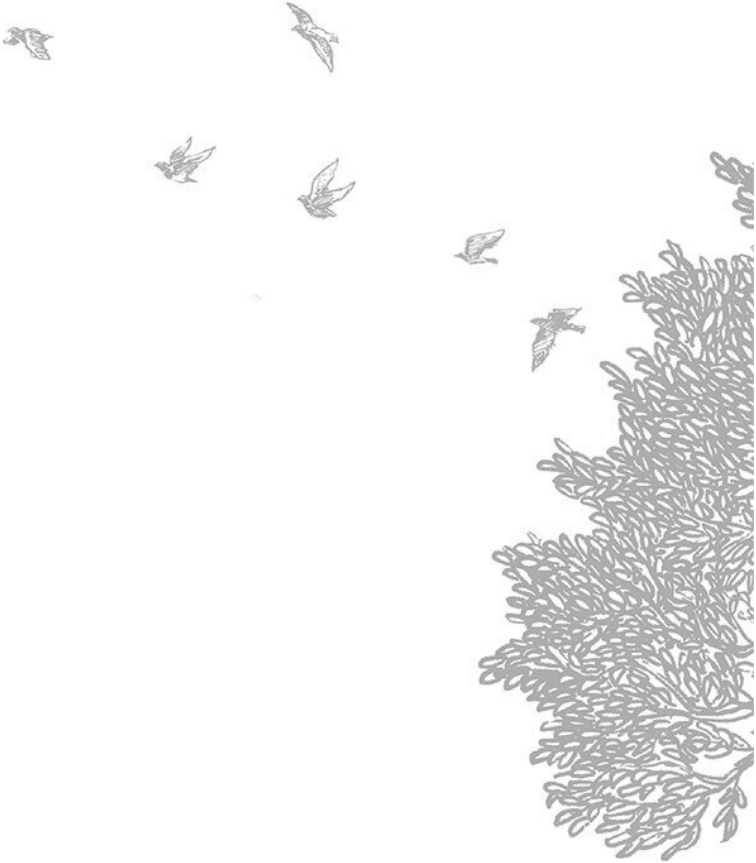
Пусть преданные отечеству радикалы готовят войны, трактаты, место на кладбище для нас с тобой и памятник себе самим, а мы поговорим о том, что важнее всего: о дедушке.
Гонсалу М. Тавариш[1]

Жить в ребенке прекрасно.
Роберто Пьюмини[2]

---

[1] Тавариш, Гонсалу М. (род. 1970) – современный португальский писатель. Автор стихов, прозы, эссе, книг для детей. Эпиграф взят из его произведения «*Путешествие в Индию*», не переведенного на русский язык.

[2] Пьюмини, Роберто (род. 1947) считается классиком современной итальянской литературы для детей. Эпиграф взят из повести «*Маттиа и дедушка*» (1999) (перевод на русский язык Татьяны Стамовой).



1. Большие перемены

Клоники

«Как две капли воды», – говорит дедушка, стоит маме и бабушке повздорить. «Мы не ссоримся, мы всегда так разговариваем», – отвечает то одна, то другая на наши упреки. И лучше всего дать им самим во всем разобраться.

Как две капли воды они потому, что – теперь я это понял – они одинаковые. Объяснив это мне, дедушка тут же направился в родительский кабинет, а вернулся с запыленным альбомом, чтобы показать мне фотографии тех лет, когда бабушка была маминого возраста.

– Их клонировали! – сказал я.

С того дня мама и бабушка – клоники. Сами они об этом не знают, это один из наших с дедушкой секретов.

На одной из фотографий бабушка в фартуке сидит на каменной скамейке возле дома, а мама мелом рисует каракули на цементной дорожке. Рядом с ними нарисовано дерево, очень большое, почти в натуральную величину.

– Это моя верба, – сказал мне дедушка. – Когда-нибудь я тебе про нее расскажу.

Ребенок

– Жоан, сходи с ребенком за хлебом.

«Ребенок» – это я. В последнее время, что бы деду ни поручили, меня отправляют с ним в нагрузку. Иногда мне никуда идти не хочется, потому что я как раз сел играть, или читать, или даже делать уроки. Но с недавнего времени сопровождать деда стало для меня самым важным делом.

– Гляди-ка, за хлебом нас послали, Жан.

Когда мы выходим на улицу, дед крепко берет меня за руку и просит читать вслух названия всех улиц. Куда бы мы ни шли, он хочет, чтобы я как следует знал дорогу, потому что, по его словам, я уже большой и скоро буду везде ходить сам. Когда это говорит, глаза у него делаются какими-то остекленевшими, чужими, и мне становится трудно дышать. Но я не спорю – я с дедом никогда не спорю – и читаю таблички: улица Уржель, Боррель, Тамарит, Виладомат[3]…

– Магазины – штука ненадежная, не успеешь оглянуться, как они уже куда-то переехали. Все меняется, кроме улиц. – И он вглядывается в темные буквы на табличках из белого мрамора, как будто на каждом углу нас ждут тайные сообщения о том, как найти дорогу домой.

---

[3] Барселонские улицы, расположенные в районе Сант-Антони округа Эшампле, где живут герои повести.

Свой дед

– Скажи своему деду, что пора ужинать.

Всем известно, что когда бабушка зовет его «своим дедом», пора бить тревогу.

В хорошем настроении бабушка Катерина бывает почти всегда. Заметьте, почти. А если настроение у нее плохое, расхлебывать кашу приходится деду, потому что с ним она тут же перестает разговаривать.

Дни бывают двух видов: «солнышко, ужин на столе, зови ребенка» и «скажи своему деду, что пора ужинать». Первое мы слышим чаще, чем второе. То есть раньше слышали чаще. А теперь я уже которую неделю слышу про «своего деда».

А клоники почти не спорят, только шушукаются на кухне. Дверь они закрывают плотно, как в те дни, когда мама жарит на сковородке сардины, или когда папе заблагорассудится сварить на ужин капусты. Но запирают они ее не для того, чтобы квартира не пропахла едой.

Пока они там заперты, дед глаз не сводит с дверной ручки, мне кажется, он даже не моргает, считая секунды, и с каждой секундой взгляд у него становится все более опустошенный.

А когда открывается дверь, бабушка всегда выходит первой и сразу же заглядывает деду в радостно сияющие от ее вида глаза.

Тютелька в тютельку

Раньше дедушка Жоан был часовых дел мастером. «Как был, так и остался!» – бурчит он себе под нос. Часовщиком он был в родном поселке. Он любит повторять, что в Вилаверде благодаря ему все шло тютелька в тютельку. И я уверен, что так оно и было. Я в этом уверен и не могу понять, сгущаются ли и теперь в Вилаверде сумерки в назначенный час или же время ускользает оттуда, минута за минутой, с тех пор как бабушка с дедом переехали жить к нам.

Дедушку это смешит. Он говорит, что в нем уже нет никакой надобности. Но это неправда. Ему каждый день звонят из поселка, и когда он берет трубку, мама и бабушка бросают все дела и прислушиваются к разговору так внимательно, что мне становится не по себе.

А когда он кладет трубку, начинается допрос: кто это был? Зачем звонил? И что сказал? А ты ему что ответил? И дед с каждым разом все больше съеживается, все больше сжимается в комочек в огромном кресле, его глаза стекленеют, а клоники уходят шушукаться на кухню.

Две буквы

Когда дедушка берет газету, это уже не дедушка. Это пожилой человек, который читает новости. Выражение лица у него совсем другое. И я люблю за ним наблюдать. Я пристально на него смотрю до тех пор, пока он не станет совсем на себя не похож. И тут он доходит до страницы с кроссвордами, отрывается от газеты и смотрит на меня, шаря по столику в поисках ручки. «А ты уроки сделал?» – и снова превращается в дедушку.

Кроссворд он решает быстро. Сидит за ним недолго и всегда доводит дело до конца. Раньше всегда доводил до конца. А в последнее время он возится с ним чуть подольше и позавчера не дописал две буквы. Это папа заметил, когда вечером взял газету.

– Тесть, вы две буквы не дописали! – сказал ему папа, приподняв страницу с кроссвордом.

– Да.

Дед только это и сказал, две буквы. Папа тоже умолк и поглядел на меня остекленевшим взглядом, совсем как дедушка. Мама с бабушкой были на кухне, и от этого мне почему-то стало спокойнее.

Молчание

Когда дедушка молчит, мне делается не по себе.

Раньше его всегда было слышно, как старинные часы, которые никогда не перестают тикать. Пока не сломаются.

Теперь он замолкает внезапно, и если мы с ним одни, я пытаюсь заполнить паузы, чтобы звуков хватило на нас обоих.

Но если рядом мама или бабушка, молчание давит на меня таким тяжким грузом, что мне приходится дышать глубже, чтобы не задохнуться. Молчат все трое, а мне трудно дышать. И когда они слышат, что я с шумом втягиваю в себя воздух, они натужно улыбаются и пытаются вернуться к прежним занятиям.

Но сколько бы я ни шумел, молчание надолго устраивается у ножек дедушкиного кресла, и мне кажется, что я вижу, как он дышит: совершенно спокойно, как будто совсем не скучает по мерному тиканью стрелок.

Полдник

Полдничаю я теперь гораздо лучше. Бабушка готовит мне бутерброд за полчаса до окончания уроков, а дедушка мне его приносит, когда забирает меня из школы. Раньше бутерброд мне делала мама утром, а потом он целый день размякал у меня в портфеле.

Единственное, что большие перемены изменили к лучшему, это полдник. Я сам выбираю, с чем я хочу бутерброд, и ем его рядом с дедушкой, который кажется все счастливее с каждым куском, который я откусываю.

– Завидный у тебя, Жан, аппетит! – Он гладит меня по голове и ерошит мне волосы, и я стряхиваю его ладонь с головы, не переставая жевать.

– Хочешь кусочек?

– Нет-нет. В том-то и штука, что не хочу.

И я доедаю бутерброд за пару кварталов до дома, так и не понимая, зачем дедушке такой аппетит, как у меня, если он сам говорит, что, когда он был маленький, ему все время хотелось есть.

Одна вещь

Как-то раз родители зашли ко мне в комнату, когда я делал домашнее задание, и поглядели на меня с таким видом, будто намеревались сообщить нечто чрезвычайно важное. Они присели ко мне на кровать.

– Иди-ка сюда, Жан, сынок, садись в серединку.

– Мы с папой должны сказать тебе одну вещь.

– Кое-что хорошее.

При этом у них был такой вид, что я решил, что ничего хорошего ждать не следует.

– Дедушка Жоан и бабушка Катерина в следующем месяце переедут жить к нам.

Я затаил дыхание, надеясь, что вот-вот они улыбнутся, но этого не произошло. Мне казалось, что это такая хорошая новость, что впору как минимум кричать «ура» и обниматься. Бабушка с дедушкой у нас дома, это же как поехать к ним летом на каникулы, только наоборот.

– А можно, я порадуюсь?

– Конечно, сынок.

– А вы почему не рады?

– Нам еще нужно время, чтобы привыкнуть к большим переменам, – сказал папа, крепко держа маму за руку.

Когда они ушли, я доделал домашнее задание по английскому языку каким-то чужим почерком: все буквы «А» и

«О» съежились и сникли.

У дедушки с бабушкой

На следующий день у меня была куча вопросов про большие перемены, но мне почему-то не хотелось задавать их маме. И я решил подождать до тех пор, пока мы с папой не останемся наедине.

– Но ведь мы все равно будем проводить каждое лето в Вилаверде, как и раньше, правда?

– Посмотрим.

– «Посмотрим» значит, что не будем, правда?

– Скорее всего…

– Папа!

– Я думаю, не будем, Жан, сынок.

Когда мне говорят: «Жан, сынок», я всегда замираю и замолкаю на полуслове. «Жан, сынок» – это сигнал тревоги, это значит, хватит, доигрались. Мне еще никогда не доводилось ослушаться этого «Жан, сынок».

И я решил больше не задавать вопросов. Я больше не хотел ответов.

Жан, сынок

В тот день, когда к нам переехали бабушка с дедушкой, нагруженные узлами и чемоданами, меня отправили погостить к Мойсесу, моему школьному приятелю. Мне разрешили остаться у него ночевать, чтобы я не грустил.

– Во что будем играть?

– Во что хочешь.

И мы построили замок из конструктора Лего размером во всю комнату Мойсеса. Его мама заказала на ужин пиццу, а его папа разрешил нам посмотреть полфильма про супергероев. Все трое так старались меня порадовать, что я совершенно расклеился.

Когда подошло время ложиться спать, мама Мойсеса села в ногах дивана-кровати, который разложили для меня, и пока его папа читал нам сказку, растирала мне ноги.

– Жан, сынок, постарайся уснуть, – сказала она, поцеловав меня на ночь. И мне стало не по себе.

Заводная ручка

Мне приснилось, что дедушка решил завести старинные часы в столовой. Сначала пальцы старого часовщика двигались неторопливо и осторожно, как обычно. Но понемногу он принялся крутить заводную ручку все быстрее и быстрее и стал разгоняться, подпрыгивать и хрипеть, наращивая скорость. Он отталкивался ногами от пола, и стрелки бешено крутились по циферблату, а в это время за окном то вечерело, то светало, снова и снова, как будто бегом времени и вправду заведуют наши старинные часы в углу столовой.

2. Улицы

Деревья

– Гляди-ка, Жан. Мы на улице Уржель[4]. – Дедушка останавливается у таблички и указывает на нее. Мы некоторое время стоим и разглядываем ее. – Сейчас повернем на улицу Тамарит, видишь?

– Дедушка, а на деревья мы больше не будем смотреть?

– Ну а как же, будем.

И мы молча идем домой. Я гляжу на деревья и на дедушку, внимание которого полностью поглощено табличками с названиями улиц. Больше он не говорит ни слова.

Тени ветвей переплетаются на асфальте, и дедушка так шаркает ногами, что я начинаю опасаться, как бы одна из этих теней не уцепилась за его подошву и ему не пришлось повсюду таскать ее за собой. Хотя на самом деле тени движутся потому, что ветки колышет ветер, и они раскачиваются в печальном танце, потому что мы на них даже не глядим.

Дойдя до дома, дедушка облегченно вздыхает. Его отражение в зеркале лифта глядит на меня остекленевшими гла-

---

[4] Улица Уржель (каррер Уржель) – одна из известных улиц Барселоны, расположенная в районе Сант-Антони округа Эйшампле, где живут герои повести.

зами и говорит:

– Завтра поглядим на деревья, Жан.

Пять часов

Я выбегаю из класса с мыслями о полднике. С чем, интересно, бабушка сделала бутерброд?

Я во всю прыть мчусь вниз по лестнице и, как в дремучем лесу, пытаюсь найти дедушкино лицо в толпе родителей, бабушек и нянечек. Раньше мне не нужно было его искать, он сам издалека меня видел. Мне непонятно, когда и почему мы поменялись ролями. И я начинаю подозревать, что суть больших перемен мне не ясна, что они состоят из уймы мелочей, за которыми скрывается что-то такое, что изменилось в корне, но что это такое, я до сих пор не знаю.

– Пять ноль-ноль. Так, на бегу, можно и нос расквасить, шалопай.

Дедушка ерошит мне волосы и смеется. Я гляжу на него и молчу. Он по глазам понимает, что я проголодался.

– Хочешь пополдничать? Тогда чмокни меня.

Я облегченно вздыхаю, бросаюсь ему на шею, и он лезет в карман пальто за бутербродом.

Напрасно я тревожился. Времени пять часов, вот дедушка, вот полдник. Все в порядке.

Когда-то

До того как к нам переехали дедушка с бабушкой, мама и папа по очереди забирали меня из школы. «Ты сможешь сегодня сходить за ребенком? У меня совещание…» Они распределяли, кто пойдет меня встречать, с понедельника по пятницу. И когда они за мной заходили, лица у них были такие, как будто они еще и не уходили с работы. А когда я им что-нибудь рассказывал, они начинали меня слушать только на полпути.

– А когда Ким меня ударил, я…

– Тебя ударил Ким? Как это так? Что у вас стряслось?

– Я же тебе сказал, на перемене, когда мы играли в футбол, и я был вратарем, а он пытался забить гол, но я кинулся на мяч, и вот тут-то…

С этого момента мне приходилось рассказывать все сначала, а мама и папа, оба они шли чуть сгорбившись, пригнувшись к земле, отчасти чтобы лучше меня слышать, отчасти под грузом одолевавшей их вины: из-за того, что они прошли первый отрезок пути, не обращая на меня внимания. Я вкратце повторял уже сказанное, без прежнего энтузиазма и не останавливаясь на деталях, а они расспрашивали меня обо всем в мельчайших подробностях. Мама даже чуть-чуть прикрывала глаза, а папа глядел в пространство, как будто они старались представить себе все то, что я им рассказы-

ваю, о чем бы ни шла речь.

А дедушка слушает все, что я говорю, стоит только к нему подойти, и не горбится. Я сам встаю на цыпочки, если мне хочется сообщить ему что-то особенно важное, и добавляю «слышишь?», а он сердится:

– Конечно, слышу! Как мне тебя не слышать?

Не так давно

Когда дедушка стал приходить меня встречать, он все время мне что-то рассказывал. Мы долго шли домой. Нам все вокруг хотелось разглядеть, особенно деревья.

– Гляди, какой широченный ствол! Иди сюда, прикоснись к нему.

И мы останавливались возле дерева на бульваре Ронда-де-Сант-Антони, чтобы к нему прикоснуться.

– Это старое дерево, даже старше меня.

– Ты вовсе не старый!

Так мы обнаружили отверстие в стволе одного из платанов на бульваре Ронда, обойдя дерево со всех сторон.

– Гляди-ка, Жан, оно размером с твою голову!

И дедушка сделал вид, что лезет в дупло, и я крепко ухватил его за рукав, чтобы удержать.

– Вылезай, вылезай, деда!

Прикоснуться к деревьям

Сперва я не мог свыкнуться с тем, что к деревьям можно прикасаться, что дедушка останавливается, чтобы их погладить, чтобы и я прикоснулся к ним.

– Вы что тут стоите *как вкопанные?* – как-то спросил нас в шутку Мойсес.

– Здравствуйте, я мама Мойсеса, меня зовут Мелисса. Так, значит, Жан – ваш внук?

– Да-да, очень приятно: Жоан. А древесная тень, как я только что говорил Жану, может спасти человеку жизнь.

– Ничего себе! – Мойсес немедленно пристроился к нам поближе в тени платана на бульваре и завороженно уставился на дедушку.

А тот, как древний сказитель, поведал нам о том, как в детстве одно дерево спасало его от полуденного солнца и было ему укрытием, тайником и верным другом.

– Верным другом? – вскричали мы оба, а мама Мойсеса растроганно улыбнулась.

– Оно хранило все мои тайны.

– Где? – удивился Мойсес.

– Как? – изумился я.

У нас это вырвалось одновременно. Дедушка взглянул на часы и уже обычным голосом сказал, что пора домой. На прощание он трепетно провел ладонью по стволу платана, и

мы с Мойсесом попрощались с деревом точно так же.

Впервые

В тот день, когда дедушка впервые пришел за мной в школу, время тянулось бесконечно, и пять часов все никак не наступало. Мне казалось, что часы в нашем классе остановились, и я думал: «Вот придет дедушка и починит их!», но тут же понимал, что до пяти он прийти никак не может. На последнем уроке – это был урок природоведения – я сидел как на иголках, не сводя глаз с минутной стрелки, тик-так, тик-так. И когда в пять часов прозвенел звонок с урока – дзыыыынь, – я вскочил от неожиданности со стула и больно прикусил губу.

– Жан, интересно, в каких облаках ты витал сегодня весь урок…

Я поглядел на учительницу, мысленно прося у нее прощения, и, глотая кровь, вышел из класса.

– Что ж ты натворил, шалопай! – Дедушка отвел меня к фонтанчику в школьном дворе, чтобы я прополоскал рот, и я намочил воротник рубашки. Тут он погладил меня по голове, ероша волосы, и мне вспомнилось, что к пяти часам у меня просыпается волчий аппетит.

Аппетит

– Как мне всегда хотелось есть, когда я был маленький!

Дедушка глядит, как я ем бутерброд. Мне кажется, с каждым кусочком он молодеет лет на десять; в его зрачках отражается юность.

Я не сомневаюсь, что когда-нибудь вспомню о том, как ел бутерброд с хлебом и сыром, в котором еще остался солоноватый привкус крови из разбитой губы. Я принесу полдник внуку и на глазах у него помолодею.

Я расскажу ему о дереве своего детства: о платане с бульвара Ронда, я уже так решил, потому что беспрестанно думаю о нем с тех пор, как мы обнаружили дупло и дедушка пытался просунуть в него голову: я уверен, что это отверстие в сухом стволе мне пригодится для того, чтобы хранить в нем тайны, которыми я потом поделюсь с внуком.

Не нужно ничего искать

– Куда ты помчался?

Дедушка за мной не успевает. Сегодня я иду так быстро, как мама с папой, когда они все еще погружены мыслями в работу.

– Сегодня ты ничего не замечаешь.

– Я и так прекрасно помню дорогу!

– Ошибаешься.

Он замирает и оглядывается вокруг. Потом подходит к платану. Разглядывает корни, ствол и поднимает взгляд все выше и выше, до самого предела запрокидывая голову.

Тогда я тоже запрокидываю голову, но ничего особенного не замечаю. Он все стоит, не шевелясь, и в конце концов я дергаю его за руку:

– Дедушка, что ты там нашел?

– Просто хотел посмотреть. Не нужно ничего искать.

По выражению его лица я понимаю, что эти слова я должен сохранить в памяти и что не стоит ничего больше говорить, лишь запрокинуть голову ввысь и ждать: ведь здесь и сейчас зарождается воспоминание.

Дома

Когда мы пришли домой в тот день, когда дедушка впервые пришел за мной в школу, на кухне горел свет. Я решил, что это мама пораньше вернулась с работы, но это была бабушка.

– Что ты готовишь?

– Ужин, королевич.

– Так рано? Ведь еще только полпятого.

– Есть блюда, которые наспех не приготовишь.

С того самого дня мы готовим к ужину большие ложки и тарелки для супа. Блюдам бабушкиной кухни нужно время, то время, которое показывают часы, которые чинит дедушка.

– Бабушкины блюда медленно готовятся, да быстро едятся!

Папа съел все без остатка, так что тарелка почти сияла, а мама водила ложкой вверх-вниз, рисовала веточки из овощей и смотрела на них невидящим взглядом, и я подумал, что дедушка прав, иногда не нужно ничего искать.

Хлеб

– А как же хлеб? – спросил дедушка, доев чечевичную похлебку.

Вот что еще изменилось с тех пор, как дедушка с бабушкой переехали к нам жить: появились не только большие ложки и тарелки для супа, но еще и хлеб.

На следующий день, вдоволь насмотревшись на деревья, мы зашли в булочную. А несколько дней спустя пекарь уже подшучивал над дедушкой, и они похлопывали друг друга по плечу, вместе смеясь над шутками.

– Что ж ты мне не сказал, Жан, что в пекарне возле вашего дома работает такой славный парень?

– Да я и не знал…

Не знаю, как это дедушке удается вести беседу с кем угодно, как будто они всю жизнь знакомы, и все тут же хотят с ним дружить и слушать его рассказы о часовых механизмах, деревьях и старых неторопливых временах.

Апельсины

На десерт мама поставила на середину стола вазу с фруктами, и дедушка взял апельсин. Он надрезал кожуру ножом в нескольких местах и очистил ее пальцами.

И вот уже это был не апельсин вовсе, а часы. Дедушкины руки орудовали так ловко, такими уверенными, с точностью рассчитанными движениями, что казалось, спелый плод вот-вот затикает.

– Хочешь? – И он протянул мне дольку оранжевыми от сока пальцами.

Теперь я знаю, что апельсины становятся гораздо вкуснее, если их чистит часовых дел мастер.

3. Сказки

Зубы

В первый день, после ужина, меня отправили чистить зубы, а дверь в столовой закрыли.

Со щеткой во рту, глядя в зеркало, я пытался вслушаться в неясный гул голосов бабушки, дедушки, мамы и папы, но так ничего и не разобрал.

Я подумал, что с того дня всякий раз, когда я чищу зубы, из столовой ко мне будут доноситься голоса дедушки и бабушки. И хотел было этому обрадоваться, но ничего у меня не вышло.

Мне нравилось, что дедушка встречает меня из школы, что бабушка готовит ужин на медленном огне, но зубы мне хотелось по-прежнему чистить в привычной тишине нашей квартиры, как в те времена, когда нас было только трое.

Я открыл кран, все голоса заглушила струя воды, и так я и стоял, пока мальчик в зеркале не начал казаться мне совсем незнакомым. Еще не ставшие чужими руки закрыли кран и почему-то впопыхах выключили свет.

Неясный говор стих, но дверь в столовую была еще закрыта, и я почувствовал, что в тот вечер у меня не хватит духу туда войти.

Побыть вдвоем

Я лег в постель и стал с нетерпением ждать папу. Он каждый вечер рассказывает мне сказку. Как-то раз мама спросила меня: «Разве не пора тебе уже начать читать самому?», но не успел я и рот открыть, как отец уже ответил: «Мы просто хотим побыть вдвоем».

– Хочешь, сегодня тебе дедушка расскажет сказку?

Я должен был сказать «хочу». Должен был прокричать «урааа» с тремя или четырьмя буквами «а». Должен был запрыгать на кровати так, что подушки полетели в разные стороны. Но не тут-то было.

Я поглядел на них обоих и, несмотря на то что мне до смерти хотелось побыть с папой вдвоем, в конце концов выдавил из себя:

– Согласен. Только пускай сегодня он, а завтра, папа, ты.

– Сейчас у нас сегодня, а завтра будет завтра. – Папа всегда так говорит, когда я начинаю строить планы о том, что запланировать невозможно.

Сказка

Дедушка присел на краешек кровати и поглядел на меня. Мы немного помолчали, и я понял, что и ему тут тоже не по себе, что он предпочел бы, чтобы сказку мне рассказал папа, а теперь он сидит и думает, что бы мне такое сказать, потому что наши клоники отправили его ко мне насильно. Все это я прочел в его глазах.

– Когда папе не хочется рассказывать мне сказку, мы говорим о том, как у нас прошел день.

– Ты хочешь поговорить о том, как прошел день?

– Не знаю, а ты?

– А я хочу, чтобы мы подумали, что будем делать завтра.

Тут дедушкино лицо озарила улыбка, и я разглядел в ней ветвистые прутики всех деревьев, которые нам предстояло увидеть завтра.

Настоящая кровать

Первую ночь дедушка с бабушкой провели в кабинете у родителей, как в те разы, когда приезжали к нам в гости. Мама разложила диван-кровать и медленно-медленно ее застелила, пристально вглядываясь в постельное белье, как будто что-то очень важное зависело от того, чтобы на простынях не было ни складочки.

Родительский кабинет расположен возле моей спальни, и когда бабушка и дедушка уже поцеловали меня на ночь, мне было слышно, как они переговариваются за стенкой. Я подумал, что теперь они, наверное, надевают пижаму, и тогда у меня под горлом, чуть выше груди, угнездилось какое-то болезненное счастье.

Потом я услышал, как мама зашла пожелать им спокойной ночи и сказала, что скоро мы им купим настоящую кровать, и я крепко ухватился за край простыни, чтобы не свалиться. Даже и не знаю куда, просто чтобы не упасть.

Басни

Назавтра дедушка целый день был как на иголках. Но мне было ясно, что на самом деле это волнение радостное, как бывает со мной, если я с нетерпением жду, когда же меня отпустят поиграть с Мойсесом.

По дороге из школы я шел вприпрыжку, и он остановил меня, чтобы поглядеть на вереницу муравьев посредине тротуара на улице Уржель.

– А ты знаешь, что такое басня?

– Что-то похожее на сказку, да?

– И да, и нет.

Тут он направился дальше как ни в чем не бывало. И все-таки даже по затылку его было ясно, что он улыбается. Мы быстро дошли до дома, и дедушка решил подняться по лестнице.

– Сегодня вечером я прочитаю тебе басню, Жан. А сказки пусть тебе папа рассказывает.

Папа, сказки. Дедушка, басни. И перемены уже не казались такими колоссальными.

На душе у меня стало так спокойно, что я едва не заснул раньше времени.

Неплохо быть и стрекозой

Я даже не подозревал, что сказка про стрекозу и муравья – это басня. Папа мне ее рассказывал когда-то, но в исполнении дедушки эти двое насекомых были мне гораздо более симпатичны.

– Выходит, нужно делать так, как муравей, так, деда? – спросил я напоследок, чтобы его порадовать.

– Что ты, неплохо быть и стрекозой.

– Но ведь тогда придет зима…

– Сдалась тебе эта зима, до зимы далеко. – И мне почудилось, что он немного рассердился.

Тогда я вспомнил про муравьев, которых мы видели по дороге из школы, они шли рядочком, нагруженные хлебными крошками.

– Деда, а вдруг их кто-нибудь раздавит, и они так и не доберутся до муравейника?

Было ясно, что дедушка понял по моим глазам, что я говорю не про муравьев, и не нужно было ничего больше растолковывать. Вместо ответа он пожал плечами.

Кажется, над баснями надо думать больше, чем над сказками.

Муравьи

Наутро в школу меня повел папа.

– Жан, не зевай. Что ты все время смотришь под ноги?

– Муравьев ищу…

И я рассказал ему про басню, про то, как дедушка говорил, что неплохо быть и стрекозой, и про то, что еще неизвестно, не раздавит ли нас кто-нибудь в самый неподходящий момент. И как мне хотелось отыскать вчерашних муравьев, чтобы узнать, добрались ли они до муравейника.

Папа остановился и пригладил двумя пальцами брови. Потом поглядел на меня, и мы вместе приступили к поиску муравьев.

Когда они нашлись, он усадил одного из них себе на ладонь, и мы присели на каменную скамью возле одного из еще не открывшихся магазинов.

– Человек может быть и стрекозой, и муравьем, Жан. Сейчас тебе пора быть муравьем, чтобы приготовиться к зиме. А дедушка, тот может петь сколько угодно: его зима уже прошла.

Все это было мне не особенно ясно, но по глазам отца я понял, что он не готов отвечать на вопросы, и решил не настаивать.

Ответы иногда приходят сами, неспешными рядами, как крошки хлеба на муравьиных спинках, или летят на крыльях

ветра, как пение стрекоз.

Про самолеты

В тот вечер я почистил зубы и с некоторым опасением готовился слушать новую басню. Тут я услышал, как папа тяжело вздохнул прямо перед тем, как войти в мою комнату:

– Жан, ты все еще думаешь про стрекоз и муравьев? Хочешь еще о них поговорить?

– Нет. Я хочу сказку про самолеты, такую, чтобы развеяла все мысли.

– Мне тоже очень не хватает такой сказки!

Он даже подпрыгнул от нетерпения и сел со мной рядом; эту историю он не вычитал из книги, мы сочинили ее вдвоем, как раз такую, какую хотели. В ней было полным-полно полетов и солнечных дней, и такой конец, что хотелось унестись в синее небо.

Бывают такие дни, когда нужны сказки про самолеты, которые позволяют нам полетать, не спускаясь с небес на землю.

Дедушкина зима

Мне приснилось, что дедушка взгромоздился на растущую на участке в Вилаверде смоковницу и все пел и пел, а мои родители, бабушка и я рядком собирали с земли хлебные крошки и складывали их в корзину. Было очень жарко, и солнце пекло вовсю. И вдруг, ни с того ни с сего, пришла зима, и дедушка остался в поле один и замерз. А мы были уже дома, в квартале Сант-Антони, и ели хлебный мякиш. Из окна я видел, как дедушка дрожит от холода, сидя на смоковнице в Вилаверде, а папа говорил: «Его зима уже прошла». Бабушка жаловалась, что ей тоскливо без дедушкиных песен, я пытался вынести ему покушать, а мама хотела одеть его потеплее. Но папа нам не позволял и говорил, что нет, не надо, что дедушкина зима уже прошла, и заставлял нас доедать все до последней ложки и запахивал шторы, чтобы мы не видели дедушку, сидящего на смоковнице. Тогда бабушка сказала, а ну-ка помолчите, и, через силу глотая свой ужин, мы услышали, как дедушка поет, и у нас разыгрался аппетит.

Мама внутри газеты

– У тебя молоко остынет, засоня.

Пока я завтракал, мама пила кофе и читала газету. Папа ушел на работу пораньше, а дедушка с бабушкой все еще были у себя в комнате. Одеваясь, я слышал, как они разговаривают, но мама сказала, чтобы я их не беспокоил.

– Правда, здóрово, что бабушка и дедушка к нам переехали?

Она процедила это сквозь зубы, и вышло так невнятно, будто рот у нее куда-то исчез. Я вопросительно посмотрел на маму, но глаз ее не нашел, она спрятала их в газете и не давала в них заглянуть.

Тогда мне захотелось рассказать ей про то, что мне приснилось, про басню, про папины слова о зиме и о дедушке, раз уж мы с ней были одни на кухне. Но мне показалось, что мама не хочет этого слышать и что ей больше по душе придется сказка про самолеты. Ее я и рассказал.

– Мы сочинили ее вместе с папой. Для таких дней, когда думать не хочется.

Тут мама оторвалась от газеты и впервые за утро посмотрела на меня, уже уносясь взглядом в синее небо.

Свет и аромат

Приближение дедушки и бабушки мы сначала почувствовали по запаху, а потом они и сами пришли на кухню. Я рассказывал маме сказку про самолеты, и взгляд ее уносился в синее небо.

Бабушка захлопала в ладоши. Она вся светилась:

– Времени без пятнадцати девять, ребенку в школу пора!

Мама допила кофе, поцеловала дедушку с бабушкой, а меня обняла крепко-крепко.

– Увидимся вечером!

И гордо шагая между бабушкой и дедушкой, я и думать забыл про муравьев и зимние холода.

Всех нас окутывал аромат духов бабушки Катерины, которой никто не решается сказать, что она их слишком много на себя брызгает. Запах был такой сладкий, что становился сиянием. И я не мог понять, почему прохожие не замедляют шаг, чтобы посмотреть, как мы идем по улице втроем, крепко держась за руки, в облаке света и аромата.

4. Недостающая буква

Целый месяц

Уже целый месяц дедушка и бабушка живут у нас. Родительский кабинет уже стал их спальней, и вместо раскладного диванчика там стоит «настоящая кровать». Мама убрала все из шкафа, чтобы они разложили там свои вещи. В уголке столешницы стоят все их таблетки. В большой ванной теперь пять зубных щеток. А папа уже больше недели говорит, что пора бы купить диван побольше.

Меня они между собой уже распределили. Дедушка читает мне басни через день. А во все остальные дни очередь папы и сказок. С понедельника по четверг бабушка и дед провожают меня в школу, а в пятницу мама начинает работу позже и отводит меня сама.

Пока родители работают, а я в школе, дедушка с бабушкой ходят гулять, занимаются своими делами, а потом обедают дома одни. Это не укладывается у меня в голове: им, должно быть, неуютно сидеть совсем одним за большим столом у нас в столовой. «Вот мы и обедаем за столиком на кухне, мой королевич, – объясняет бабушка. – Там дедушка Жоан включает радио, когда передают новости: ты же знаешь, что мы больше любим их слушать, чем смотреть». Потом дедуш-

ка моет посуду, а бабушка ложится полежать на диване.

К пяти часам дедушка всегда приходит забирать меня из школы один, а бабушка остается дома почитать, потому что после обеда, по ее словам, у нее всегда болит не одно так другое. По дороге домой мы глядим на деревья, дедушка мне что-нибудь рассказывает, пока я полдничаю, а потом мы идем в булочную за хлебом.

Потом я делаю уроки, сидя рядом с дедушкой, на случай если мне понадобится помощь, а бабушка на кухне готовит ужин на медленном огне, который все мы впятером будем есть большими ложками, не включая телевизор, потому что с тех пор как к нам переехали дедушка с бабушкой, его почти никогда никто не смотрит.

Теперь за ужином мы разговариваем, папа и мама рассказывают, как прошел день у них на работе, а у бабушки и дедушки всегда находится занятная история о каком-нибудь происшествии во время утренней прогулки. А под конец, пока дедушка чистит апельсин, глаза мамы и бабушки затуманивают воспоминания, и они рассказывают что-то забавное из старых времен, чтобы его развеселить, а он как будто и не хочет их особенно слушать. Мы с папой молчим, но невольно представляем, как бы мы себя чувствовали на его месте, потому что нам кажется, что ему нужна помощь.

Папа уже несколько раз обрывал мамины и бабушкины грезы на полуслове: в особенности когда речь заходила о вербе, он быстро встает из-за стола и начинает собирать салфет-

ки со словами: «Давайте-ка, мои дорогие, час поздний». Тогда я тоже встаю помочь, звеня стаканами, и дедушка идет у нас на поводу и уносит вазу с фруктами, держа ее обеими руками и громко шаркая ногами, и создается впечатление, что это ваза сама отправилась на кухню, а вовсе не он.

Пятница

Мама – учительница, но меня учить не хочет, то есть говорит, что не может. Поэтому я хожу в другую школу, не в ту, где она работает. А то бы мы все время были вместе, с понедельника по пятницу. Я иногда думаю, что было бы удобнее всегда ходить в школу с мамой и возвращаться с ней домой. Но тут же выбрасываю эту идею из головы, как только представлю, что она сидит передо мной на каждом уроке и неотступно следит за каждым моим движением.

Теперь я еще больше люблю пятницу, потому что утро мы проводим с мамой вместе. И по дороге в школу мы беседуем. С тех пор как к нам переехали дедушка с бабушкой, у меня такое ощущение, что мы меньше бываем вдвоем, как будто она посвящает родителям часть того времени, что раньше проводила со мной. Такой у мамы характер.

– Расскажи мне что-нибудь! – почти упрашивает она меня, крепко держа за руку по дороге в школу.

Раньше я не любил, чтобы меня водили за ручку, ведь я уже не маленький, но с тех пор, как к нам переехали дедушка с бабушкой, я сам хватаю ее за руку, как только мы выходим на улицу. Я толком не знаю, что ей сказать, не нахожу слов, потому что, наверное, я их все раздал бабушке и деду, а потому я беру ее за руку и надеюсь, что это тоже общение. Так и сейчас, я крепко сжимаю ее пальцы, замедляю шаг и

заглядываю ей в глаза:

– Про что тебе рассказать, мамочка? Я только что встал.

– Ну, может быть, про то, о чем вы вчера… о чем вы говорите с дедушкой. Ты любишь, когда он встречает тебя из школы, правда?

– Люблю. Мы говорим про деревья.

– И гладите их?

Тут уже останавливается она и улыбается, заглядывая мне в глаза, почти затуманившиеся от ее улыбки.

– Когда ты была маленькая, вы тоже так делали?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.